

Ab ovo

Денис Тихий,
Ольга Рэйн

ФАНТАСТИКА

Аперитив ..... Коктейль «Синяя Птица»

Император Цус умер, едва над изгибами куполов показала свой бледный лик Старшая Луна. Мозолистые, поросшие жестким пушком лапы Летящего в Недосягаемой Вышине разжались, и он обрушился с жердочки на пол, застланный драгоценным ковром, сотканным на планете, где он никогда не был, — особам его статуса не позволялись межзвездные путешествия.

Первый Визирь вышел из императорских покоев и, пожившись от неизбежной боли, клювом вырвал два маховых пера — так полагалось по ритуальной этикету.

Страдальческий клекот поднялся в Зале Поклонов, выплеснулся в гаремные гнезда, отозвался в каморках служек, затихая, донесся до стражников в ночном небе.

Император Цус уже падал в Пропасть, а его наследник, не знающий о ждущем его величии и власти, все еще обнимал крыльями неоперившуюся голову в яйце — белоснежном, расписанном ритуальными узорами, мужском.

Впервые за последние триста лет Гнездо Кша-Пти осталось без Вожака.

Холодная закуска ..... Лабюск

Запах дразнил и щекотал — стоило закрыть глаза, как рядом с кофе возникал шоколадный пончик, потом бутерброд с лунным сыром, потом бедрышко ганимедской жабы — обжаренное, но сыроватое изнутри, и прежде чем Норман успевал взять воображение за хвост, весь стол наполнялся съестным. Он тихо застонал.

Норман пообедал десять минут назад в крошечной каюте звездолета «Тантал» — прижал к плечу инъектор и вдул две ампулы витаминно-углеводной жижи. Прополоскал рот водой, скривился — гидратацию тоже приходилось проводить внутривенно, глотать было нельзя. После этого надругательства над собою Норман полпелся в ресторан, потому что пассажир, который регулярно не выходит к обильному, оплаченному столу, — это подозрительный пассажир и его берет на заметку параноидальная таможня планеты Кша-Пти.

Завтрак на «Тантале» подавали буфетом — по десять блюд на расу пассажиров, с дополнительными табличками для гурманов, если еда подходила и другим расам. Норман с кислой миной походил между стойками, взял тарелку и наполнил наименее аппетитной едой, которую нашел под табличкой с веселым человечком, счастливым ящером и застывшим в пищевом экстазе квоком, похожим на аиста марабу. Еда выглядела что надо — абсолютно отвратительно, как будто гнилую брокколи перемешали с овсянкой и щедро заправили чуть подтухшим рыбным бульоном. Норман поймал на себе заинтересованный взгляд высокого синекожего ящера с Ракшаса, мельком улыбнулся, кивнул и помешал гуцу в своей тарелке.

*Ab ovo (лат.) — дословно: ab ovo usque ad mala — «от яйца до яблок»; у римлян обед начинался с яиц, кончался фруктами; устойчивый фразеологический оборот, обозначающий «с самого начала».

— Вы считать *лабюск* вкусно? — поинтересовался ящер, останавливаясь рядом с Норманом. Для общения с землянами повсеместно использовался *глиш* — галакси-английский без всяких грамматических излишеств.

— Да. — Норман снова помешал бурду. — Очень вкусно. Любить *лабюск* каждый день.

Ящер мечтательно обнажил острые зубы.

— Особенно еда, — сказал он. — Когда матереть, *лабюск* полезно каждый день.

Норман понимающе кивнул. Все ящеры Ракшаса рождались самцами-гермафродитами и, лишь заплатив налог и сдав экзамен, получали разрешение на активацию женских гормонов.

— Особенно запах, — не унимался синекожий ракшас, склоняя голову и пристально вглядываясь в Нормана. — Вкусно воняет. Влияет. Сразу любить желанно.

Его хвост изогнулся в сторону столика. Норман закашлялся, извинился и ретировался, оставив на столе *лабюск* и чувствуя спиной пристальный взгляд ящера.

В каюте он улегся в гамак — подвесную кровать с игровым приводом. Долго выбирал, чем убить время до посадки, — как назло, во всех играх персонажи ели, пили, готовили, продавали еду, сервировали еду, перепрыгивали через еду. Норман невольно сглотнул воображаемую слюну. «Ничего-ничего, — подумал он. — Уже сегодня вечером. Уже скоро».

«Пожалуйста, оставайтесь в гамаках, — сказал чувственный голос корабельной стюардессы. — Мы прошли контрольную точку на орбите Кша-Пти и в течение десяти минут начнем снижение».

Норман закрыл глаза, обеими руками обнял живот, где на месте желудка был изолированный контейнер для контрабанды.

Все началось год назад, жара стояла невыносимая...

Горячая закуска ..... Сариссы в собственном соку

Предновогодняя жара в Сингапуре стояла невыносимая. Норман не гулял по городу, не лежал на пляже и не заплывал в океан, теплый, соленый и пахнущий рыбой, как его любимый китайский суп. Пусть Марс будет пухом щедрому дяде Джереми — теперь Норман мог себе позволить никогда не прикасаться к еде из 3D-принтеров биосинтеза. Он намеревался открыть агентство по индивидуальному подбору еды из двенадцати известных миров (включая субкультуры тридцати трех планет) и обслуживать состоятельных гурманов. Рассчитывал стать знаменитым. Фамилия Галь должна была заиграть новыми красками: «Гала-Дегусто», «Галактический дегустатор Галь», «Гала-Галь»...

Норман ходил на занятия — учился различать на вкус мясо камчатского и синего крабов. А после ужина понемножку, без фанатизма, играл в казино «Мерлион», о хозяине которого, Плуте, короле контрабанды, поговаривали с восторженной опаской — красив, богат и безжалостен...

Там-то и познакомился Норман с Сонг — одной из красавиц крупнее с идеально хорошеньким азиатским личиком и белыми волосами до плеч. При приеме на работу им делали пластику, за которую нужно было отработать пять лет. От желающих стать красивыми отбою не было. Сонг свою пластику уже отработала.

— Гала-дегу... не выговорю... наверное, быть очень интересно, — лопотала Сонг, валяясь на ковре в шикарном люксе Нормана и болтая в воздухе босыми пятками.

— Полетишь со мной? — допытывался Норман, икая. — Там будем... прибудем... побудем... и посмотрим... рассмотрим... У меня ж теперь... деньги!

Три коктейля «Сингапурский слинг» спустя им вздумалось подняться в пентхаус Плута, чтобы Норман оценил, как живут настоящие магнаты.

Перед служебной дверью Сонг уже немного протрезвела и, сжимая в руке служебный ключ, смотрела с тревогой и сомнением.

— Одним глазком! — пообещал Норман. — Одним! Или двумя, но очень быстро!

В номере было прохладно и почти темно.

— Ой, а это что? — Норман, пошатываясь, присел на корточки у пирамидки крупных кубических кристаллов, подсвеченных внутри светящейся силовой сферы, от которой шло осязаемое тепло. — Обалдеть, красивые какие! Они живые?

— Не знаю, — торопливо ответила Сонг и потянула его за рукав. — Пойдем отсюда скорей!

На сияющей подставке у выхода лежал симпатичный мячик размером с грейпфрут, покрытый замысловатыми узорами. Норман взял его, зачем-то понюхал и слегка подбросил в воздух — он был ловок с мячами, любил позабавиться. Но мячик оказался с сюрпризом: вместо того чтобы, как положено, упасть Норману в руку, он повел себя непредсказуемо — полетел горизонтально, ударился о тачстену, по которой сразу поползла трещина, потом отлетел к антикварному торшеру, повалил его, отскочил к окну...

— Сариссы! — вскрикнул вбежавший в апартаменты Плут, падая на колени у разбитых кубических кристаллов; из них сочилась черная, похожая на нефть жидкость. Финальным ударом прыгучий шарик разнес панель силового поля. — О мои прекрасные сариссы!

Плут в бешенстве обернулся к Норману — глаза его обещали недоброе — и сказал, скользя по звуку «с», как разозленная стальная змея: — Сариссы! Я доставал их целый год...

— Я возьму... — залопотал Норман, напуганный масштабом катастрофы.

— Конечно! А кроме того, ты мне должен год времени!

Суп ..... Кольчаточервлёный с сельдереем

— Отстегните это, — хмуро сказал таможенник-квок и встопорщил головные перья.

— Что отстегнуть? — удивился Норман.

— Ну, этот ваш клюв!

— Это не клюв.

— Я знаю, что это не клюв! У людей не бывает клювов! Снимите, я хочу это проверить!

— При всем уважении... это — нос.

— Не отстегивается?

— Нет. Прирос в младенчестве.

Норману наподдали пониже спины. Мимо него протискивался к выходу половозрелый тла-ах с пластмассовым лотком в верхних псевдоподиях. В лотке, словно яркие глянецовые грибы, лежали его сердце, легкие и прочие печенки.

Таможенник выложил на стол толстенный «Справочник по анатомии существ» с сотней разноцветных закладок. «Человечий нос... нос человеческий», — бормотал он, ведя по странице длинным когтем. Остановился, вчитался, захлопнул книгу и расслабил кожистый мешок под клювом.

— Ваша правда. Не отстегивается.

— Я же говорил.

Таможенник наклеил на лоб Нормана пурпурный ярлычок.

— Пройдите в сектор «С» на биосканер.

«Поместитесь в центр синего круга», — сказал голос у Нормана в голове.

— Есть, — ответил Норман.

«Стойте ровно в позе расслабленности и не вурзюкайтесь», — сказал голос.

С потолка камеры к его лицу скользнул керамический бублик, покрытый пульсирующими волосками. Бублик растянулся, перекрутился знаком бесконечности и полетел вокруг Нормана по спирали вниз, иногда запуская сквозь одежду и плоть свои волоски. Норман закрыл глаза, изо всех сил стараясь не вурзюкаться. Наконец бублик удовлетворенно чмокнул, взлетел под потолок камеры и там прилип.

«Сканирование окончено, — сказал голос. — Незаконных имплантатов не найдено».

— Ну естественно! — ответил Норман и покинул «блехоловку».

Последний таможенник, пожилой квок с оранжевой подпушкой, снял с его лба ярлык, отсканировал паспортный чип и пропустил за барьер. Все это он сделал буднично и лениво, не слезая с жердочки.

Зал прилета был огромен. Норман резво катил тележку в поисках человека с табличкой «Конференция кольчаточервления» — курьера Плута. Неподдалеку переливался всеми цветами радуги световой круг в полу. По нему весело прыгали буквы *глиша*, стилизованные под квосские иероглифы: «Ресторан “Вселенский Жыр”! Пища тридцати трех планет! Чавкай с нами! “Вселенский Жыр” — нажористо и смачно!»

Давешний ракшас вошел в круг и распался на рой мерцающих огоньков, который мигом унесло в дальний конец зала — туда, где стояли столы и носились официанты. Счастливчик.

В центре зала, прямо в воздухе, висело огромное белоснежное яйцо. Сначала Норман решил, что это голограмма, но потом увидел, что яйцо не просвечивает — плотное и материальное, оно было подвешено на антигравитационном приводе. По экватору яйца вдруг побежали прихотливые узоры, сияющие, как ручейки разноцветного жидкого стекла. Они сложились в иероглифы. Норман постучал пальцем по виску, и *нейротран*, на секунду запнувшись, нарисовал поверх чужих букв: «Новый Год (Век, Жизнь, Эра) на Кша-Пти. Общая Прохлада (непереводимо). Избавление. Всем смерти».

Кто-то похлопал Нормана по плечу. Он обернулся — за спиной стоял человек в широком, ниспадающем плаще с табличкой «Конф. Кольчаточервл.» в руках. Курьер был толст и бледен. Его лысину облегал белесые перья. Нос выдавался вперед, будто клюв, и Норман вдруг понял, где курьер работает.

— В посольстве числитесь?

— Какое вам, к черту, дело? — огрызнулся толстяк.

— Никакого.

Курьер пожевал губами и цепко осмотрел Нормана с головы до ног.

— По перьям догадаться?
— В основном по носу.
— Нос не троньте, он настоящий. А перья, да, пришлось имплантировать. Здешние птички терпеть не могут волосы. Я-то, когда сюда вербовался, думал, что лысина — хороший компромисс. Ха-ха! Лысина тут — знак мудрости, а твари, бегающие по земле, для них глупы изначально! Вживил перья. Бывало и хуже. У кракенов на Аку-веве я дышал жабрами, а в полнолуние вообще метал икру. Не спрашивайте как. Но зарубите на носу — никогда не связывайтесь с межпланетной политикой!

— Я не... — начал было Норман, но толстяк его бесцеремонно оборвал.

— Хватит трепаться, идем. — Он ухватил Нормана за руку и потащил за собой.

Пройдя под парящим яйцом, они спустились на лифте и оказались на техническом этаже, где на грязноватом полу шеренгами стояли служебные роботы. В углу высился штабель пустых топливных элементов, а за ним обнаружилась небольшая дверь с выгоревшим пятном вместо таблички. Курьер прижал палец к сенсорной пластине — та мигнула красным. Он чертыхнулся, натянул полупрозрачный напальчник, которым наконец и открыл дверь. За дверью оказалась большая комната без окон. Вдоль стен громоздился непонятный механический хлам, в центре стояло старое, выдранное откуда-то с мясом пассажирское кресло позапрошлого века.

Курьер захлопнул дверь, отпихнув Нормана плечом, прошел в глубь комнаты, присел на октаэдр топливного элемента, достал из кармана фляжку и основательно к ней приложился. Запахло коньяком.

— Вам не предлагаю по понятным причинам, — сказал он, завинчивая колпачок. Затем порылся в кармане, достал керамический тубус, бросил его Норману. — Ключ.

Норман скрутил защитное кольцо, вытряхнул из тубуса на ладонь серый шарик — молекулярный ключ.

— Вы принесли анальгетик? — спросил Норман.

— Держите. — Толстяк протянул красную капсулу. — Разгружайтесь уже скорее.

Норман проглотил молекулярный ключ и вложил анестезирующую капсулу в ухо. Стянул через голову рубашку. Контейнер, замещающий Норману желудок, активировался. Капсула в ухе стала холодной как лед. Норман замычал от боли. Спокойствие, только спокойствие! За год Норман провел подобную загрузку-разгрузку уже сорок два раза. И вот — последний!

Имплатат выпростал биокерамический хобот и прирастил его к пупку с внутренней стороны. Контейнер с грузом втянулся в хобот и плавно заскользил наружу, подгоняемый сокращениями искусственных мышц. Кольцо разошлось шестью мясистыми лепестками...

И тут раздался нарастающий мелодичный звон.

Квоки только выглядят неуклюжими. А если нужно, действуют молниеносно и жестко. От звуковых вибраций стальная дверь разлетелась, как стекло. Норман только и успел, что приподняться в кресле, как четверо квоков в бронефартуках ворвались внутрь. Здоровяк в рыжих перьях приставил Норману ствол к голове, еще один взял на мушку курьера, третий встал в дверном проеме, а четвертый — лысый, с гофрированной шеей — подхватил белый контейнер размером с небольшую дыню из жутковатой пупочной дыры Нормана.

Курьер вскинул руку, но тонко звенькнул парализатор, и толстяк замер, не донеся фляжку до рта.

— А-а-а-щ! — сказал курьер сведенным ртом.

— Теодор? — повернул к нему шею лысый квок. — Надо бы удивиться, а я не.

Он щелкнул горлом, и рыжий быстро обыскал Нормана, ловко орудуя длинным клювом.

— Здравствуй, Норман. Я — Ащорген.

Норман испуганно на него вытаращился.

— Вопросы снимем. Я — твоя смерть. Или жизнь. Увидим.

— Мы-ы-ы! — промычал парализованный Теодор.

— Знаешь, что привез к нам? — спросил квок, не обращая на него внимания.

Норман беззвучно, как рыба, открыл и закрыл рот, показывая, что не знает. Анальгетик в ухе сковал тело холодом, в голове звенело.

— Это — гептабомба, — Ащорген мотнул клювом в сторону контейнера. — Если взорвать в Гнезде, оно умрет. От резонансной волны треснет скорлупа яиц — дети умрут на крыльях матерей по всей планете. Вот что ты привез нам, человек.

— Поймите, я не по своей воле! — Норман наконец обрел дар речи. — Меня заставили!

— На Кша-Пти есть закон возмещения зла. Есть ли поступок, который сможет возместить твоё зло?

Как себя вести с птичьим спецназом? Поди знай... Норман глянул на Теодора — тот пытался строить какую-то рожу.

— Вы ищете заказчика? — спросил Норман.

— Не так давно я с ним завтракал, — щелкнул клювом Ащорген.

— Тогда поставщика?

— И Плути мы знаем прекрасно.

— Так что же я могу сделать?!

— Ты отвезешь домой посылку, — кивнул лысый квок. — Замкнешь круг.

Здоровенный рыжий квок, державший Нормана на прицеле, нервно перетаптывался с ноги на ногу. Глаза Ащоргена блеснули опасной синевой. Норман беспомощно сидел, вжавшись в кресло, с нутром, открытым всем напастьям Вселенной.

— Ы-ы-ы, не-е-е... — просипел толстяк-курьер, багровея.

— Согласен, — ответил Норман.

Основное блюдо .....Сборная солянка

Норману снилось, что он опять маленький, уснул в саду и ему в ухо заползла улитка. Мама тормозила его и просила поскорее вставать, а Норми убеждал ее, что улитка его ужалила.

— Улитки не жалят, — сердилась мама.

— А потом я родил из пупка игрушечный танк!

— Не выдумывай, Норми, вставай.

— Я еще поваляюсь.

— А я говорю — вставай!

— И не подумай!

— Вставай, скотина!

Норман открыл глаза — лицо толстяка курьера с позабытым именем нависало над ним, как Старшая луна планеты Кша-Пти. Он вдруг пожалел о том, что не увидел мира квоков — гор до неба, высоких деревьев с желтой корою, глубоких рубиновых озер. Только зал прилета и захлавленную каморку с креслом.

— Просыпайся!

«Теодор. Толстяка так зовут. Боже, чем они меня накачали?» — мутно подумал Норман. Он вдруг заметил стандартные потолочные дуги из мягко светящейся биокерамики. Корабль! Они не в гостинице, а на корабле.

— Пи-и-ть! — просипел Норман.

Теодор прижал к его шее иголку и нажал на спуск — будто оса укусила. Норман выскочил из гамака, вырвал иголку из трясущихся рук Теодора и заорал:

— Ты что делаешь? Надо сначала на синюю кнопку нажать, а ты насухо вгоняешь!

— Сволочь ты! — в ответ крикнул Теодор. — Знаешь, во что ты меня вогнал?!

— Сам виноват! — Норман схватил Теодора за ворот и потянул, едва сдерживая желание немедленно его придушить. — Не мог безопасное место для передачи груза найти! Мне последняя поездка оставалась!

Теодор улыбнулся широко и добродушно, и Норман сразу понял, что сейчас услышит какую-то гадость.

— Ты — идиот, — издевательски заявил Теодор.

— Чего это?

— Как ты думаешь, чем тебя нафаршировали птички?

— Откуда мне знать? Я без сознания был!

— Плут в таких делах очень осторожен. Никакой утечки не могло быть. Ащорген и был заказчиком! Это ему ты привез штучку на букву «Г».

— Гептаба... — начал было Норман, но Теодор шлепнул его по лбу.

— Не называй! — прошипел Теодор, и перья на его лысине встопорщились. — По ключевым словам включается подслушка!

— Бодрость-Осторожность-Миролюбие-Безопасность-Умеренность? — спросил Норман, выделяя голосом первые буквы. Толстяк мрачно кивал. — А что он отправил назад?

— Плату, разумеется. Наверное, «черный пух», а может, «жужжащие алмазы». Что-нибудь опасное, запрещенное к перевозке. У Плути ведь в каждом пироге по пальцу. Зато Ащорген теперь герой — перехватил «Г».

Норман облегченно вздохнул и даже вымученно улыбнулся.

— А я-то, значит, задание выполнил! Рабству конец!

— Идиот! — хмыкнул Теодор. — Плут никого не отпускает. В Солнечной системе тебе уже десяток пожизненных светит. На Тлаахе был? А на Ригеле? Ну, значит, еще Скорбное Унасекомливание заработал и Трапецевидную Засолку.

— Врешь, — прошептал потрясенный Норман.

Теодор фыркнул, приложился к своей фляге и задвигал кадыком.

По каюте поплыл голос стюардессы: «Добро пожаловать на межзвездный экспресс «Тантал». Мы успешно стабилизировались в потенциальном колодце и следующие семьдесят стандартных часов проведем в пространстве Лема. На гостевой палубе вас ждут обед и развлечения. Гамаки активированы. Приятного перелета».

На гостевой палубе «Тантала» оказалось тесно. Именно тесно, а не людно — людей, кроме Нормана и Теодора, не было. Квоки расхаживали между кадок с голографическими пальмами, сидели на жердочках, спали, положив голову под крыло. Их было необычайно много даже для рейса с Кша-Пти. Когда Норман и Теодор вошли под светящиеся своды, тихие разговоры и шелест на мгновение смолкли, а потом возобновились.

Норман традиционно взял плошку несъедобной дряни, а Теодор воссоздал на тарелке «Ригельский завтрак»: жареные *сквончи*, *бульдиши* в томатном соусе, *соесиски* и сиреневую кубышку лунного сыра.

— Тебе-то чем плоха ситуация? — спросил Норман, когда они втиснулись за дальний столик.

— Мы летим на Землю, а мне туда нельзя, — ответил Теодор с набитым ртом.

— А зачем ты вообще здесь со мной?

— На кой пух Ащоргену лишние свидетели? У них там сейчас заварушка. Я и сам рад был поглядеться, только не на Землю, нет-нет.

— Какая заварушка? — спросил Норман шепотом, наклонившись над столиком. — И почему тут столько квоков? Теодор ухмыльнулся:

— На Кша-Пти всегда правит Император — первый мальчик из кладки. Сейчас в центре Гнезда — династия Татль, а до этого две тысячи лет правили Бодбеши. В каждой династии множество групп, которые между собой постоянно клюются. И вот Бодбеши как-то доклевались до того, что убили своего Наследника. И сразу лишились власти. Возвысились Татли. Однако с последним Императором, Цусом, вышла незадача — все его жены откладывали только сиреневые яйца, то есть девочек. Оказалось, что кто-то подсыпал в его еду щепотку наноботов, блокирующих игрек-хромосому. Опасный ход, запрещенный товар. Но есть смельчаки, которые занимаются развозом по Вселенной опасных грузов, хе-хе-хе!

— Тихо ты, — испугался Норман; его раздражало, что Теодор, захмелев от лунного сыра, разговаривает слишком громко.

— Цус был уже немолод, но решился на полную замену крови с фильтрацией. Жены плакали, поднимаясь к нему на насест: они знали, что надолго его не хватит. И получили-таки белое яйцо, надежду династии. Но Цус умер преждевременно, что меняет весь политический расклад. В отсутствие Императора Кша-Пти управляет Собор Бескрылых — монахи-праведники, в основном из династии Бодбеши. Так что я бы не стал принимать ставки на птенчика... Иными словами, пернатых ждет смена правящей династии, вот Татли и повалили путешествовать куда подальше.

Норман задумался. Нет, он не был создан для политики, он был создан, чтобы различать на вкус сорта лунного сыра, или кофе, или...

В обеденную залу, горестно вздымая крылья, вбежал радужный квок. Он задрал голову, проклекотал длинную фразу и, очевидно не владея собой, скорбно закрыл голову крыльями. Теодор уронил бамбуковые палочки и побледнел.

— Что? Что? — встревожился Норман.

— Только что над Кша-Пти взорвалась «Сирин», космояхта Татли. На ней были Первый Визирь и трое из пяти жен Цуса, «Кружащих в Верхних Ветрах». И похоже, на яхте с планеты вывозили яйцо. То самое...

Две птицы на высоком насесте у окна откинули с голов длинные покрывала, подняли клювы вверх, запели пронзительно и красиво — так, что у Нормана в глазах зашипало. Не понимая языка, он догадался — это была песня скорби, плач по погибшим. Повернувшись к Теодору, он удивился — тот смотрел на богато украшенных квокских женщин остановившимися глазами.

— Что? — спросил Норман. Кажется, сегодня он слишком часто задавал этот вопрос.

— Это — оставшиеся Кружащие, — сказал толстяк медленно. — Две последние жены Цуса. Они тоже могут везти яйцо. Кто-то тоже может об этом знать...

Норман посмотрел через зал. На обеих птицах были расшитые фартуки с большими карманами впереди — квоки носили в них вещи, еду, иногда — совсем маленьких птенцов, которых нужно было кормить каждые десять минут. И яйца.

Норман снова задумался.

— Ащорген... — сказал он.

— Я — Теодор, — поправил его толстяк.

— Нет, Ащорген — он из какой династии?

— Он вне династий. Его род присматривает за соблюдением ритуалов — у них их знаешь сколько!

— А может такое случиться, что он примет чью-то сторону? Вот они две тысячи лет служили Бодбешам, вдруг у них тайные договоренности?

Теодор снова взялся за палочки для еды, подцепил аппетитную *соесиску*, отправил в рот.

— Ерунда, — сказал он. — Чего паникуем? Эти жены улетели с планеты скрытно. «Сирин» — частная яхта, там проверки безопасности не такие, как на галактическом звездолете. На борт «Тантала» эту, ну, на букву «Г» никому не пронести, через сканер-то...

И тут он замер, уставился на Нормана, и краска сползла с его лица. *Соесиска* явно не хотела проглатываться, он захрипел.

Норман поднялся, обошел стол, похлопал толстяка по спине. Нервно потер свой живот, где под слоями кожи и мышц таился имплант-контейнер, воспринимаемый всеми биосканерами галактики как умеренно полный желудок.

— М-да... — пробормотал он. — Ну и ситуация. На букву «Г».

Салат ..... «Цесаревич Борджиа»

— Бомба... — прошептал Теодор, уже не заботясь о прослушке. — От нас и следов не останется... Ай да Ащорген, ай да... — Он проклекотал горлом длинную фразу, явно неприличную, отчего проходивший мимо квок поперхнулся рыбным коктейлем.

— Что же делать? Делать что? — спросил Норман.

Жены мертвого императора накинута покрывала обратно на голову. Норману показалось, что одна из них, с белым гладким оперением, метнула на него через зал быстрый взгляд.

— Думаю, — сказал толстяк, откинувшись на спинку стула. — Но ты не волнуйся, — утешил он Нормана. — Ты-то умрешь мгновенно. Даже, возможно, в отрицательном времени — от гептавзрыва в подпространстве Лема волны пойдут и по времени тоже. Вот сейчас ты на меня смотришь с испугом и ненавистью, а на самом деле, может, уже тридцать секунд как мертв. Не узнать ведь, когда наша «Г» сдетонирует. Ты это... на всякий случай не делай резких движений, а?

— Ключ, — сказал Норман. — Молекулярный ключ у тебя?

— Ты не спеши, не спеши, — покачал головой Теодор. — Ключ у меня. Но бомба в тебе, ты на корабле, корабль в подпространстве. Она может быть настроена на изменение температуры при извлечении из твоего тела. Или плотности потоков при выходе из подпространства. Или, без изысков, на взрыв через сорок стандартных часов. Или через два... Толстяк отхлебнул из своей неизменной фляжки.

— Капсула! — с бомбой в желудке удивительно быстро думалось. — Спасательная капсула отстыковывается, отлетает от корабля, взрыв только ее и уничтожит.

— Похвально. — Теодор прижал руку к сердцу, перья вокруг его лысины поднялись и опали. — Удивительно благородно, что ты хочешь спасти корабль и пассажиров, и... меня... ценой своей жизни...

— Ты спятил? Я хочу извлечь контейнер и отправить в капсуле! — оборвал его Норман. — Я останусь на «Тантале», который НЕ взорвется. Долечу до Земли, выторгую у

Плута свободу. — Он вырвал у толстяка фляжку, швырнул на пол, коньяк растекся янтарной лужицей. — И поем наконец, и напьюсь!

— Ну, пойдем к капсулам, — сказал Теодор, не сводя глаз с фляжки.

— Извини. — Норман пожалел, что не сдержался.

— Да ничего, — ответил толстяк мирно.

Проникнуть к спасательным капсулам оказалось удивление легко.

— Давай ключ, — сказал Норман, встав над открытым люком, чтобы избавиться от страшного груза.

— Анальгетика нет, — прищурился Теодор.

— Да уж как-нибудь.

— Лучше сядь, — посоветовал толстяк. — На ногах не удержишься, боль адская. На, держи ключ свой.

Норман подумал, что он прав, и уселся на край люка, свесив ноги. Имплант откроется — и ему останется лишь наклониться и дать бомбе упасть...

От сильного удара в спину Норман потерял равновесие и сорвался вниз, в капсулу.

— Прости, дружище, — сказал Теодор, наклоняясь над люком. — Во-первых, бомба действительно может сработать на извлечение, а у меня сорок мальков на Аку-Веде, кто их будет кормить? Во-вторых, ты мне сразу не понравился. Бывает.

И он топнул по клавише запуска. Его круглое сыроватое лицо закрыла заслонка шлюза, потом вторая, а потом капсула отстрелилась от «Тантала», и Норман полетел, непристегнутый, бешено крутясь, отталкиваясь от липких, упругих стенок, — прямо в черную изнанку пространственно-временного континуума. Будь у него желудок, его бы вывернуло.

Десерт ..... «Одинокий профитроль»

Идеальная сфера капсулы изнутри была покрыта длинными, эластичными, мягко светящимися нитями — они прихватили его к стене и не дали сломать себе шею. Когда компьютер тремя импульсами маневровых двигателей остановил вращение, нити отпустили Нормана, и он, выплыв в самый центр, осмотрелся.

Стенки замерцали, расцветив внутреннюю поверхность сферы яркими пятнами. «Зеленый прямоугольник — аптечка, — сообразил Норман. — Голубой круг — вода и еда».

У Нормана при себе был иньектор с патронташем капсул на сорок дней, а воды — на сто. Он не умрет, пока не взорвется бомба. Но он будет один, совсем один до самого конца...

Первые десять дней он много думал. Можно было активировать ключ и вытащить бомбу. Но будет больно, а наружу ее все равно никак не отправить. Можно было погрузить себя в гибернацию — пусть смерть придет к нему в тот момент, когда его не будет дома. Он будет спать, когда электрический разряд инициирует пятьдесят микрограмм возбужденного гептерия. Белый цветок взрыва развернется в Нигде, и... всё.

Все дорожки, по которым суетливо ползали его мысли, упирались в эту гладкую стену. Улитки в саду — он накрыл их стеклянной банкой, а они всё на что-то надеялись.

Норман активировал спасательный маяк — пусть в подпространстве Лема сигнал искривляется и капсулу никто никогда не найдет, но важно позвать на помощь. Каким бы крохотным ни был шанс, если ты позвал, кто-то может прийти...

Норман пытался считать дни. Время превратилось в вирус, выжигавший его нервы. Настолько, что Норман стал

звать смерть. Он выключал освещение и часами висел во тьме, прижимая колени к животу, глядя сквозь прозрачные участки капсулы на завихрения подпространства — серые, радужные, абсолютно черные... пар от дыхания богов изнанки мира. Он шептал: «Приди. Давай, приходи уже, сколько можно тебя ждать?»

Он пробовал отказаться от питания и воды, но уже через несколько часов ему делалось так плохо, что он плакал и снова брался за инъектор.

Через двадцать два дня Смерть решила заговорить с Норманом. У Смерти было два ангельских голоса: один — белый, как сияние звезд, другой — черный, как абсолютная пустота. Смерть сказала Норману: «Не торопи нас, мама. Мы не готовы».

Пошедший вразнос разум сетями безумия вытягивает из собственных глубин потаенные ужасы и лепит монстров с ключами от любых замков подсознания.

«Я — мужчина. Я не могу быть мамой!» — воспротивился сумасшествию Норман.

Смерть не ответила. Он был настороже и через три дня решил, что галлюцинации не вернуться.

— В небесах торжественно и чу-удно... — напевал Норман, заправляя инъектор пищевой ампулой. — Спит земля в сиянье голубо-ом...

«Небеса — какие?» — внезапно спросила Смерть.

Палец Нормана на кнопке дрогнул, перламутровое облачко выстрелило в воздух и унеслось в сторону дальней стены, где его жадно воссали нити обивки.

«Небо? На Земле — ну, оно пустое. Синее. Там облака», — мысленно ответил Норман.

«Облака — какие?» — спросила Смерть.

«Лохматые. Белые. Как горы. Как вата. Иногда похожи на животных, на птиц...»

«Птицы — кто? Как ты, мама?»

— Я не мама! — холодея от ужаса, завопил Норман вслух.

Смерть снова затаилась. Смерть молчала, но Норман чувствовал, что она совсем рядом — трогает осторожными пальчиками что-то внутри его головы, будто ребенок, пытающийся нащупать конфетку в кармане, но натыкающийся на незнакомые и странные вещи.

«Кто ты?» — спросила Смерть.

Норман удивился, что она не знает. И вдруг понял, что не знает и сам.

Кто я? Сыночек любимый... мамочка добрая... папа подлец, как он мог... но главное, что мы с мамой вместе...

Кто я? Работаю в «Мак-Фанольдсе», платят мало, но хватает на учебу. Дегустаторы знаешь, сколько получают? Еда неплохая, вот попробуй... Да, у меня хорошая улыбка, потому что я честный, и ты мне нравишься...

Кто я? Любовник этой... и парень вот этой... а эту сам очень люблю, а она меня — нет... а вот с этой хорошо, но мы не пара...

Кто я? Удачливый племянник, человек, взявший жизнь за рога. Да, неожиданно повезло. Большое начинается с малого! Теперь-то все получится...

Кто я? Межпланетный контрабандист в рабстве у преступника, год во рту еды не держал... что везу, не знаю. Чью-то смерть, свою, свою смерть...

Чем он был, кем он был — этого словами он выразить не мог. Шелуха слетела, и что осталось?

— Я — Норман, — сказал он, чтобы хоть как-то себя обозначить для Смерти. Чтобы она про него не забыла.

Они много говорили — Норман и Смерть. Она становилась все разговорчивее, все любопытнее, на два

голоса жадно вытягивая из Нормана все, что он знал. Он читал своим галлюцинациям стихи. Фальшивая, пел песни. Рассказывал о местах, где ему довелось побывать, о людях и нелюдях, которых встречал, о вкусах еды, которую мечтал попробовать. В тишине и бездействии он вспоминал удивительные подробности — как пахла шея мамы, когда она несла его, уснувшего под деревом, через сад к дому, гладила по волосам и улыбалась. Как квокский командо Ащорген топорщил горловые перья и его глаза блестели синевой, а в углу комнаты стоял старый списанный робот, похожий на мусорный бак. Как девчонка по имени Айгуль впервые поцеловала его на пляже, и ее губы были сухие и все в песке, а он шурился и не мог рассмотреть ее против солнца. Как наливал себе по утрам кофе — ристретто. Он любил ристретто — кофейный аромат делал его счастливым, обещал хороший бодрый день, исполнение надежд.

— Сейчас что угодно отдал бы за глоток кофе. — Норман стукнул кулаком по мягкой стене и, кувыркнувшись, отлетел в противоположную сторону.

«Еще!» — немедленно отозвалась Смерть.

«Что — “еще”?»

«Сделай так еще!»

«Вот так?» — Норман еще раз кувыркнулся.

«Да! Еще-еще-еще!»

«Получай!»

Норман летал по капсуле, переворачивался, пружинил от стенок и смеялся, хохотал во все горло, и его галлюцинации радовались вместе с ним.

«Нам трудно дышать, — вдруг пожаловалась Смерть. — Было так весело, а теперь не дышится. Наверное, мы умираем, мама. Я не готов. И я не готов. Норман, а ты готов?»

И тут Норман понял, почему Смерти нравится, когда он кувыркается. Он понял, почему не взрывается гептабомба. Потому, что в контейнере было яйцо!

Норман поспешно проглотил молекулярный ключ, прижался к стене, чтобы липкие нити ухватили его крепче.

— Держись, птенец, — подбодрил Норман.

Ответил ли тот — этого он уже не услышал, потому что контейнер активировался, инопланетная биомеханика начала растягивать тело изнутри, и следующие десять минут Норман орал так, что сам себя оглушал. А когда все кончилось и покрытое ритуальными узорами яйцо императора Цуса, крутясь, поплыло по капсуле, Норман услышал голос птенца.

— Теперь хорошо, — сказал он на два голоса. — Теперь дышится. Но холодно...

Норман притянул яйцо к себе и обнял, чтобы согреть.

— Значит, ты — не Смерть, значит, ты — Жизнь.

Горячий напиток .....Кофе ристретто

— Двое? — воскликнул Норман через неделю, держа под каждой рукой по птенцу и уворачиваясь от осколков скорлупы, летающих по капсуле. — Нет, я знаю, что бывают яйца с двумя желтками... И раз они бывают — из них кто-то же вылупляется...

Норман припомнил, что в межпланетных буфетах человеческая еда была помечена как подходящая для квоков — значит, обмен веществ у них совместимый и аварийного рациона капсулы хватит птенцам на... некоторое время.

Норман закашлялся, чтобы скрыть отчаяние: через неделю они начнут голодать.

«Назови нас», — телепатически заговорил белый птенец — их голосовые связки еще не окрепли.

«Дай нам имя», — попросил синий.

Оба были большеголовыми, покрытыми нежным ярким пухом. Глаза у них были кофейно-янтарные, с мерцающими в глубине искорками. У Нормана в детстве была игрушка с похожими глазами. Он помнил, что очень ее любил.

«Ты — Норман, — сказал белый птенец. — Ты — мама».

Норман устало вздохнул — сколько можно спорить?

«Просто скажи нам свое любимое слово. Вот чего бы ты сейчас больше всего хотел?»

— Кофе, — улыбнулся Норман. — Ристретто — чем не имя. Только как делить его будете?

«Об этом мы спросим других мам, — сказал синий птенец, склоняя к плечу пушистую голову с блестящими глазами. — Они уже скоро».

— Скоро что? — не поверил Норман.

«Скоро нас найдут. Мы их зовем. Они еще далеко, но вдвоем мы можем докричаться».

Норман погладил птенцов по пушистым головам и разорвал пакет «Авар. рацион универ. со вкус. клубн.».

Все дети фантазируют. Особенно обреченные.

Их подобрал тяжелый крейсер квоков «Ассиз».

Комариный писк аварийного маяка спасательной капсулы больше месяца выцеживал из эфира весь флот Кша-Пти, подвешенный в подпространстве Лема. Сигнал искажался так, что найти капсулу было бы невозможно без указаний обих Кружащих в Верхних Ветрах — в династии Татлей телепатическая связь внутри семьи очень сильна.

Крейсер втянул капсулу на борт, активировал в отсеке гравитационное поле. Обе вдовы Императора нервно раскрывали и закрывали маховые перья, ожидая, когда капсула откроется.

На полу сидел косматый человеческий мужчина, изможденный, бородатый, с диковатым взглядом. На его плечах, держась клювами за спутанные волосы, важно восседали два птенца — синий и белый.

— Это — Норман, — сказали они почтительно склонившим головы квокам. — Он — тоже мама. Хорошо, что вы нас нашли. А то мы вчера съели последнюю еду, а сегодня Норман весь день рассказывал нам сказку про птицу Рух и чем ее человек кормил, когда на ней летел. Очень странная сказка.

Вдовы Императора всплеснули крыльями, запели торжественно и громко. Почтительно совершая высокие обрядовые подскоки, к капсуле приблизились Хранители Геральдики с шелковыми свитками и ритуальными флейтами — Императоры не могли оставаться без имени.

Белый птенец мягко потянул Нормана за мочку правого уха, синий — левого. Они одновременно слетели на подставленные крылья своих матерей — те наклонились к ним, потерлись клювами.

— Император Ристр, — назвала мать белого птенца.

— Император Ретто, — сказала вторая.

Придворная свита квоков хором закончила ритуальную фразу:

— Они летят в Недосягаемой Вышине.

Счет за обед .....(в порядке подачи блюд)

Норман Галь — открыл агентство «Гала-Галь», работает с ведущими ресторанами планеты Земля, иногда выезжает на конференции в Колонии. Несмотря на род занятий, очень умерен в еде, не употребляет спиртного, но пьет много кофе. Месяц в году гостит в Императорском куполе Кша-Пти, где его всегда принимают как члена семьи.

ФАНТАСТИКА

Синий ящер-ракшас — сдал экзамены на право материнства и наслаждается, открывая в себе новые и новые грани женской сущности. Заводить потомство как таковое пока не спешит, говорит, что хочет «вначале полюбить себя такой, какая есть».

Сотрудница отеля «Мерлион» Сонг — через три дня после происшествия в пентхаусе Плута уволилась и вернулась домой в Шензен. На школьной встрече наконец призналась в любви бывшему однокласснику, которого любила с десяти лет, но очень стеснялась своих оттопыренных ушей и носа-картошки. «Дурочка, — сказал одноклассник и нежно отвел с лица прядь ее волос. — Никогда в жизни я таких прекрасных ушей не видел!» — «А нос? — всхлипнула она. — Нос был ужасный!» — «Я не замечал», — пожал плечами одноклассник и поцеловал Сонг.

Плут Педант — был найден в своем номере с остекленевшими глазами, неестественно вывернутыми конечностями и множественными укусами сариссов, при работе с которыми он не соблюдал технику безопасности. Сариссов в номере не обнаружили, они, очевидно, улетели в открытое окно. Был объявлен биологический карантин, но в течение года чуждую фауну так и не обнаружили, и о сариссах забыли.

Сотрудник посольства Теодор — по прибытии на Землю был задержан за шпионаж, контрабанду и торговлю секретной информацией. Отбывает наказание служителем в Сиднейском дельфинариуме, где его называют «Птицечел» за перья вокруг лысины.

Начальник контрразведки Ацорген — отчитался перед Собором Бескрылых о своей проваленной операции. Он рассчитывал, что после взрыва на «Сирине» квоки, спасающиеся на «Тантале», в приступе гнева и паники выбросят Нормана за борт, убив тем самым наследников своей династии, что навсегда лишило бы их притязаний на власть. Собор Бескрылых сместил Ацоргена с должности, приговорил к выщипыванию всех его перьев и бессрочному изгнанию с Кша-Пти.

Императоры Ристр и Ретто — быстро растут и по очереди путешествуют. Они еще не переросли свою младенческую телепатическую связь, что обычно происходит с птенцами квоков годам к трем. И неизвестно, перерастут ли — ведь из одного двухжелткового яйца птенцы выводятся не в каждом тысячелетии.

